

Мало что изменилось для Авреема и остальных, насильно завербованных в портовом баре. С неприличной поспешностью их переводили из одного крепкого металлического контейнера в другой, кормили густой, богатой сахаром питательной пастой и подвергли принудительной вакцинации антилихорадочными препаратами. Их жизнь превратилась в длинные отрезки отчаяния, сопровождаемые острыми приступами ужасающей активности.

Каждого несчастного заклеили подкожным идентификатором преданности, который, как утверждали гулкие объявления, регулярно ревушие из вокс-решёток с высоких герметичных стальных стен, отмечал их, как крепостных архимагоса Лекселя Котова, насильно завербованных для службы на борту “Сперанцы” до тех пор, пока они не возместят свой долг Империи.

— Значит навсегда, — язвительно ответил Хоук на вопрос Авреема, что это означает.

Их окатили водой с чистящими химикатами, проведя столь полную дезинфекцию, что Авреем поблагодарил Императора за то, что больше не собирался иметь детей. Большинство захваченных людей — преимущественно мужчины, хотя попались и несколько женщин — замкнулись в себе, угрюмые и покорные судьбе. Немногие протестовали и орали до хрипоты на своё заключение, но и они быстро сдались, когда поняли, что их слова попадают в равнодушные уши.

Тем не менее, Исмаил отказался последовать их примеру и требовал разговора со старшим магосом с замечательным — но бессмысленным — постоянством. В конце концов, дверь открылась и появилась пара крепко сложенных воинов в громоздкой панцирной броне, их лица покрывал металл и крепкие пластиковые имплантаты. От вошедших исходила угроза, и Исмаил попятился, поняв, что совершил серьёзную ошибку. Воины выволокли управляющего и с тех пор его не видели. Авреем не особо скучал по шумному и раздражающему присутствию Исмаила, хотя ему и не нравилось думать о том, что произошло с бывшим начальником.

Огрин-вышибала из бара держался особняком, Авреем задался вопросом, понимал ли тот вообще, что с ним произошло? Он смирился с судьбой или просто ждал кого-то, кто скажет, что делать? Хоук быстро пристроился рядом с неуклюжим существом, втеревшись в доверие несколькими короткими фразами, которые огрин, похоже, не понял. Авреем не мог отрицать логику в попытке подружиться с самым большим и невзрачным пленником — это было хитро. Из того, что он узнал о гвардейце Хоуке, изворотливость и хитрость были теми качествами, которыми тот обладал в избытке. Юлий родился выживать, и Авреем понимал, что если он собирается пройти через это, то следует действовать также.

Он держался рядом с Хоуком и огрином, прихватив Койна, руководствуясь принципом, что чем больше людей, которых ты знаешь, тем лучше. У огрина не было имени, по крайней мере, никто не смог его вспомнить. Хозяин бара называл его Крушила, что было ничуть не хуже остальных имён. Койн почти всё время горевал по жене, которую, скорее всего, больше никогда не увидит, но Авреем пролил очень мало слёз по своей половине. Сначала отсутствие сожалений вызывало у него отвращение, но после самоанализа, который принесло заключение, Авреем понял: заработанные им на кране кредиты — вот единственное, чего ей будет не хватать.

Потеря детей вбила клин между ними, и кроме повседневных проблем их мало что объединяло кроме горя. Авреем знал, что она винила его в их смерти и ему было трудно отрицать её правоту. Именно он хотел работать на заводах Джоурского космопорта, из-за чего пришлось переселиться в загрязнённые жилые кварталы. Общая потеря обернулась горькой злобой и повседневной жестокостью, но взаимная необходимость держала их вместе. Ей были нужны его кредиты, а ему... ему была нужна она, чтобы напоминать, что он когда-то был отцом двух самых ярких звёздочек в мире.

Потеря детей вбила клин между ними, и кроме повседневных проблем их мало что объединяло кроме горя. Авреем знал, что она винила его в их смерти и ему было трудно отрицать её правоту. Именно он хотел работать на заводах Джоурского космопорта, из-за чего пришлось переселиться в загрязнённые жилые кварталы. Общая потеря обернулась горькой злобой и повседневной жестокостью, но взаимная необходимость держала их вместе. Ей были нужны его кредиты, а ему... ему была нужна она, чтобы напоминать, что он когда-то был отцом двух самых ярких звёздочек в мире.

После санитарной обработки им разрешили сохранить по одной личной вещи, и Авреем выбрал сложенный вдвое пикт своих детей: Или и Зеры. Это был не самый удачный пикт, Ила отвернулся от матери, а Зера закрыла глаза, но это оказалось единственным, что осталось от них и придётся довольствоваться этим. Теперь они с Императором, по крайней мере, так сказал толстый проповедник в часовне Министорума в порту. Авреем подозревал, что скоро к ним присоединится.

В конце концов их загрузили в стоявший на якоре гроыхавший корабль, и ноосферные тэги, разноцветным дымом поднимающиеся сквозь забитые крепостными контейнеры, сказали Авреему, что они оказались на борту суборбитального транспортного подъёмника, обозначенного как Джоура XV/UM33. Такие суда проектировали для вертикального перемещения по заданной траектории, они были невероятно неэффективными и имели склонность к многочисленным опозданиям, если пилот пропускал ограниченное окно подхода.

Кран Авреема загрузил не одно подобное судно, и он задумался, в скольких из безликих контейнеров, которые он соединил и поместил в обширные трюмы, находились отчаявшиеся мужчины и женщины, направлявшиеся фактически в рабство на борту одного из флотов на орбите. Их подъём был жёстким и сопровождался сильной вибрацией, высокая температура при прохождении атмосферы быстро сменилась холодом пустоты. Трюмы контейнеров оказались неизолированными, и гладкие стальные стены вскоре стали потрескивать от холода.

— Шары Императора, это похоже на чёртов морозильник, — пожаловался Хоук. — Они хотят, чтобы мы замёрзли насмерть, прежде чем погонят на работу?

— Думаю, они решили, что мы не заслуживаем тепловой защиты, — предположил Койн.

— Там куда нас везут, мы быстро начнём скучать по холоду, — сказал Авреем.

— Ты о чём?

— Я о том, что, похоже, мы направляемся в машинные отделения “Сперанцы”. Нас высадят на одной из кормовых технических палуб.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хоук. — Ты получил прямую линию с Богом Машиной или типа того?

— Нет, — ответил Авреем, желая, чтобы бывший гвардеец держал рот на замке.

— Давай, — не отставал Юлий. — Выкладывай, откуда ты знаешь, куда мы направляемся?

Наклонившись, Авреем коснулся щеки чуть ниже глаза и потянул кожу вниз, показав стальную оправу аугметического глаза.

— Ничего себе! — прошептал Хоук. Авреем понял, что его мозг заработал, пытаюсь найти способ использовать полученное знание в своих интересах. — Такое не каждый день увидишь.

Перед высадившимся экипажем “Ренарда” предстала сцена организованного беспорядка.

Сотни вместительных грузовых барков стояли в похожем на пещеру трюме. Они располагались ровными линиями, как и бесконечные ряды транспортных контейнеров, выгруженных сервиторами-погрузчиками, которые напоминали муравьёв, постепенно пожирающих корпус. Робаут почувствовал в воздухе запах смазки, горячего металла и насыщенного химикатами пота. Сам воздух был холодным и едким из-за покрытой инеем обшивки барков. Повсюду тысячи людей и машин двигались в запутанном танце по отведённым маршрутам, словно в двойном балете. Масштаб пространства бросал вызов мысли, что они находятся в замкнутом помещении, что хранилище таких размеров можно вообще создать, тем более на борту космического корабля.

— Вот что я скажу о Механикус, — произнёс Робаут. — Они знают, как делать своё дело.

— Этом когда-то вызывало сомнение? — спросила остановившаяся за его спиной Павелька.

— Нет, но увидеть своими глазами — совсем другое дело.

Павелька настояла на том, чтобы сопровождать его, как и Каирн Силквуд, и оба члена Культа Механикус стояли и благоговели при виде грандиозной промышленности и машинного великолепия, царящих внутри флагмана архимагоса Котова. Техножрица “Ренарда” была в повседневной красной мантии с обёрнутым вокруг правой руки рукавом, демонстрируя бионическую конечность, и Робаут не мог не заметить яркий блеск её амулета с символом Механикус.

Из уважения к окружающей величественной обстановке Силквуд сменила пропотевшую и заляпанную маслом спецовку на прочные брезентовые брюки и подбитую куртку. Её одежда

технопровидца никогда бы полностью не избавилась от блеска масла и ладана, но, по крайней мере, она оказалась чистой. Силквуд была похожа на работягу с бритой головой в наростах аугметики, а шрамы на тыльной стороне рук говорили о жизни, проведённой в трудах среди живых внутренностей двигателей.

Сам Робаут облачился в тёмный сине-серый сюртук с красной окантовкой и геральдикой Сюркуфов, стилизованная Ультима с золотым венком вилась вокруг рукавов, словно боевая награда. Также на нём были брюки глубокого чёрного цвета, а лакированные ботинки блестели, как новые.

Эмиль едва не рассмеялся от нового облика капитана, но Робаут лучше любого из них знал, какое значение имели внешний вид, правила этикета и ожидание, особенно для такой организации, как Адептус Механикус. Его первый помощник стоял справа, а Адара Сиаваш слева, оба в своих лучших украшенных тесьмой кителях и начищенных ботинках. Оба выглядели очень неловко в этой одежде, которую крайне редко доставали из матросских сундучков, но Робаут недвусмысленно заявил им, что при встрече со своим покровителем они должны выглядеть подобающим образом.

Вместе Эмиль и Адара несли стазисный сундук, зеркальный чёрный матовый ящик с уникальным сложным замком, который мог открыть только Робаут. Замок изготовил Ирландриар из Алаитока, и его ценность была невообразимой. Его подарил Робауту Итандриэль, когда капитан покидал “Иглу Иши”, и он до сих пор считал себя недостойным такого дара.

То, что лежало внутри могло принести Робауту и его экипажу состояние, которое они не смогли бы потратить и за десять жизней. Он не мог говорить за остальных, но его к Лекселю Котову привело не желание богатства. Артефакт в стазисном сундуке хранил решение тайны, которая долго не давала покоя жрецам Марса, тайны, которая разговаривала с романтической душой Робаута и стоила всех рисков их последнего предприятия.

— Мы идём? — спросил Эмиль, видя, что капитан не двигается.

— Идём, — ответил он, выдав сомнения за изумление. — Время не ждёт, а?

У основания трапа для экипажа их поджидало отделение угрожающего вида мужчин в стекловидной чёрной броне с крупнокалиберными винтовками поперёк широких грудных клеток. Извивавшиеся кабели соединяли тесла-камеры оружия с тяжёлыми ранцами, которые гудели от электрической энергии; лицо каждого воина представляло собой бесстрастное сочетание квадратных челюстей, равнодушных глаз и пластовых имплантатов, передававших тактическую информацию. Каждый нагрудник был увенчан машинным клеймом с изображением черепа и молнии. Эмблема клана или символ гильдии?

В окружении скитариев стоял жрец Механикус, высокая фигура в длинном и широком красно-золотом стихаре с капюшоном, под которым виднелись несколько точек зелёного света, хоть как-то намекавших на лицо. Руки и ноги жреца оказались длиннее обычных, на них виднелись

ребристые шипящие бледно-жёлтые кабели, а к спине крепилась напоминавшая барабан бочка с радужной жидкостью. Несколько лакеев — чей рост искусственно остановили — закутанных в вулканизированные резиновые комбинезоны и с тонированными красными очками, следили за пульсирующими трубками, которые распределяли жидкость по системе.

— Это он? — шёпотом спросил Эмиль.

Робаут покачал головой, пытаясь скрыть раздражение, что архимагос Котов не встретил их лично. Кем бы ни оказался этот жрец, он явно принадлежал к магосам высокого ранга, но он не был главой исследовательского флота, не слишком тонко намекая об иерархии экспедиции.

Капитан направился к нему, бросив намётанный взгляд на напрягшихся воинов-скитариев, чья прицельная аугметика отслеживала каждое его движение. Он не сомневался, что если окажется достаточно глупым, чтобы потянуться за позолоченным церемониальным пистолетом в кобуре на бедре, они, не задумываясь, застрелят его.

— Аве Деус Механикус, — произнёс магос, когда вольный торговец дошёл до конца трапа.

— Я — Робаут Сюркуф, — ответил он. — Но вы не архимагос Котов.

— Ситуационное обновление: архимагос Котов занят важными вопросами флота, имеющими отношение к приближающемуся отбытию с высокого якоря, — пояснил техножрец прекрасно смоделированным воспроизведённым человеческим голосом, который всё же звучал скрипуче и фальшиво. — Он шлёт свои извинения и требует, чтобы вы сопроводили меня в Адамантиевый Киворий.

Робаут не шелохнулся, когда магос велел следовать за ним.

— Проблема? — спросил жрец.

— Кто вы? Я хотел бы знать имя человека, с которым разговариваю.

— Да, разумеется. Знакомство. Дружеские отношения, обусловленные опознанием идентификаторов, — сказал магос, выпрямившись. — Опознание личности: я — Таркис Блейлок, верховный магос региона Кебрения, фабрикатус-локум исследовательского флота Котова и ресторати ультимус Страданий Скиапарелли. У меня многочисленные титулы, капитан Сюркуф, вам нужно, чтобы я перечислил их все?

— Нет, в этом нет необходимости, — ответил Робаут, поворачиваясь и возвращаясь по трапу “Ренарда”. Он махнул Эмилю и остальным. Зная, что нужно следовать его примеру, они развернулись и пошли на корабль.

— Капитан? — в замешательстве спросил магос Блейлок. — Что вы делаете? Архимагос Котов

настаивает на вашем присутствии. Отбытие экспедиции невозможно отложить.

Робаут остановился на полпути, наслаждаясь ужасом Павельки, который вызвало нарушение протокола Механикус. На лице технопровидца Силквуд растянулась лукавая ухмылка, и он хитро подмигнул Каирн, прежде чем снова повернуться к Блейлоку.

— Я думаю, вы и архимагос Котов забыли, что без меня и моего экипажа никакой экспедиции не будет, — произнёс Робаут, постукивая пальцами по крышке сундука. — Без этого артефакта экспедиция закончится, даже не начавшись, поэтому я хочу увидеть понимание этого факта и каплю чёртового уважения. Ваш голос может и искусственно воспроизведён, магос Блейлок, но я всё ещё могу сказать, когда со мной снисходительно разговаривает кто-то, кто считает себя умнее меня.

Жрец скрестил окутанные кабелями руки в подобии аквилы, жест, несомненно, предназначался успокоить капитана, и низко склонил голову.

— Приношу извинения, капитан Сюркуф, — сказал он. — Никакое неуважение не подразумевалось, ошибка просто из-за непонимания. Прошло тридцать пять целых и семьсот тридцать девять тысячных года с тех пор, как я в последний раз вёл дела с человеком не из Культа Механикус. Я просто предположил, что вы считаете мои данные в ноосфере. Если бы мы общались на бинарной чистоте лингва-технис, то избежали бы подобной неопределённости и недоразумения.

Эмиль прошептал уголками губ. — Даже извиняясь, они не могут не обмениваться колкостями.

Робаут провёл рукой по лицу, прикрыв грозившую появиться усмешку.

— Возможно, мне стоит попробовать выучить ваш язык, — сказал он. — Чтобы избежать дальнейших недоразумений.

— Это можно устроить при помощи небольшой хирургической аугметики, — согласился Блейлок.

— Это — шутка, — пояснил Сюркуф, спускаясь по трапу.

— Я понял, — сказал магос. — Слишком легко забыть обычаи несоединённых с Машиной.

— Тогда предлагаю вам снова ознакомиться с нашими нелогичными обычаями, — огрызнулся Робаут. — Иначе нас ждёт очень короткая экспедиция.

Блейлок кивнул. — Я попытаюсь улучшить понимание наших отличающихся обычаев.

— Стоило бы начать, — заметил Робаут, а магос в этот момент переключил внимание на стазисный сундук, который несли Эмиль и Адара. Зелёные огоньки под его капюшоном сузились.

— Могу я взглянуть на предмет? — спросил он небрежным тоном, но даже изменённой механическими дополнениями биологической форме не вполне удалось скрыть всепоглощающее желание изучить то, что лежало внутри.

— Думаю, нет, — ответил капитан. — Представляется уместным, что как командующий экспедицией, архимагос Котов должен первым исследовать это устройство, не так ли?

— Разумеется, — быстро ответил Блейлок, скрывая горькое разочарование. — Да, безусловно. Эта честь должна принадлежать архимагосу Котову.

— Тогда вам стоит сопроводить нас к нему. Немедленно.

Путешествие по масс-конвейерным рельсам и раскачивание над глубокими пропастями на управляемых сервиторах подъёмных кранах закончилось. Авреем почувствовал тяжёлый удар, когда их контейнер наконец-то окончательно остановился. Потолочные светильники вспыхнули, и задняя стена начала двигаться, гремя протестующими механизмами, безжалостно выгоняя человеческий груз на промышленно штампованный металлический настил палубы.

Влево и вправо тянулись такие же контейнеры, как и их, сотни, возможно, тысячи. Толпы растерянных мужчин и женщин неуверенно слонялись вокруг, моргая от резкого света, и со страхом ища что-нибудь обнадеживающее.

Авреем попытался скрыть изумление от пространства, в котором они оказались, но потерпел фиаско.

Необозримый стальной утёс стеной простирался во тьму перед ними, по его поверхности подобно открытым артериям закручивались спиралью многочисленные извивавшиеся трубы и воздуховоды, образуя чёрно-белый символ Механикус. Из одного глаза гигантского черепа в его центре валил пар, а в другом пульсировал красный свет печи. Витражные окна простирались по всей стене, омывая всё вокруг сюрреалистическими разноцветными оттенками света.

Гигантские статуи крылатых жрецов и машинных херувимов стояли в глубоких альковах и на огромных цилиндрических трубах, свисавших с потолка на опасно тонких тросах. Их покрывала испарина от мощных волн жара. Охлаждающие газы вырывались из решёток, и Авреем уловил едкий химический привкус плазменной разрядки. Настил палубы дрожал от глухого гула, и он предположил, что рядом расположены бесконечные машинные отделения. По краям помещения возвышались похожие на буровые установки поршни, со скрипом металла о металл синхронно отзываясь эхом древнему сердцебиению корабля.

Громадные механизмы заполняли зал, высокие трубы из тёмно-серого чугуна, вращавшиеся шестерёнки, пульсирующие металлические конечности и шипящие вентиляционные трубы, изрыгавшие струи едких газов. Перед передним рядом машин стояло сто воинов, облачённых в ту же самую чёрную блестящую панцирную броню, которую носили те, кто забрал Исмаила. На их обнажённых руках без труда можно было заметить гильдейские татуировки и имплантированные мускульные усилители, они вперемешку держали жестокие шоковые булавы, дробовики и кнуты. Безликие благодаря чёрным шлемам воины выглядели внушающими страх убийцами, психопатами, скованными железной дисциплиной и преданностью.

— Скитарии, — произнёс Авреем и люди, которые стояли рядом с ним, вздрогнули от этого слова.

Они все слышали рассказы о смертных пехотинцах Адептус Механикус, бывших гвардейцах, усовершенствованных всевозможными имплантатами, как физически, так и психически, чтобы превратиться в безжалостных убийц и ревностных защитников священных артефактов хозяев-техножрецов. Мало отличавшиеся от грубых дикарей, они по слухам украшали доспехи кожей убитых и собирали стеллажи трофеев из черепов вражеских воинов.

Так говорили, но люди перед ними отличались.

Они выглядели безжалостными, невероятно дисциплинированными воинами, справиться с которыми мог надеяться только космический десантник. Они стояли ровными рядами подобно роботам, и в них оказалось очень мало, что можно было бы счесть дикостью. Сто ботинок ударили в унисон, когда скитарии обратили внимание на гравитационную пластину, спускавшуюся из огромного черепа.

Рябившая энергетическая дымка окружала края пластины, и зал заполнил звучный гул, пока она парила в нескольких метрах над палубой. На ней стояли две фигуры, высокая в такой же броне, как и скитарии, только гораздо сильнее украшенной и увеличенной. Другая в тёмно-багровом облачении с капюшоном, поверх которого висела чёрная с золотом епитрахиль с зубцами шестерёнки по краям и вытравленными шестнадцатью законами на множестве цифровых языков. Тяжёлый ранец генератора крепился к его телу, словно смертоносный арахнид, и машинного жреца окутывала кружившаяся дымка холодного воздуха, напоминая пойманный туман. Авреем замёрз просто от взгляда на него.

Только сейчас он узнал магоса с Джоуры, того, кто командовал вербовщиками. Это был человек, который вырвал его из старой жизни, и яркое зерно ненависти укоренилось в его сердце.

— Как думаешь, кто они? — спросил Койн.

— Ты можешь сказать, Авреем? — присоединился Хоук.

— Я пытаюсь, — ответил он. — Но это непросто. Полный объём информации, который

ежесекундно загружается и выгружается по их инфокровотоку, огромен...

— Послушайте его, — усмехнулся Хоук. — Можно подумать, что он один из них.

Авреем проигнорировал ироничное замечание и сосредоточился на двух фигурах, в то время как жрец Механикус в красном “проплыл” вперёд по гравитационной пластине. В сияющем ореоле над его головой водопадом невидимого света лились ноосферные данные, и информацию, которую искал Авреем — хотя она и находилась в каждой загрузке — было непросто считать.

— Сайиксек, — сказал он. — Этого ублюдка зовут Сайиксек.

Из невидимых динамиков рупоров раздался оглушительный и резкий взрыв, напоминавший статический разряд. Искажение визжало и кричало, как плохо настроенный вокс-передатчик, пока Авреем, наконец, не понял, что магос обращается к ним. Постепенно помехи уменьшились, и стало возможно различать слова, когда магос закончил выступать на непонятном машинном языке и перешёл на человеческий.

— Информация: я — магос Сайиксек, магистр двигателей, — начал он, его голос звучал искусственно и был лишён всех человеческих интонаций. — Вас доставили на корабль Адептус Механикус “Сперанца”. Это великая честь. Все вы теперь крепостные Духовенства Марса, и ваша служба позволит функционировать великим машинам судна. Вашими стараниями великие двигатели будут пылать ярче звёзд. Ваша кровь смажет механизмы и шестерёнки. Сила ваших костей поддержит могучие поршни великого сердца и кулаков света судна. Ваши жизни теперь служат Омниссии.

— Не самая вдохновляющая речь, слышал я и получше, — произнёс Хоук, и мрачный смех прокатился среди мужчин и женщин их контейнера.

Плечо мантии Сайиксека дёрнулось, и из скрытых складок появились несколько потрескивающих сетчатых рук. Они щёлкали и лязгали, разворачиваясь, каждая заканчивалась раскрывающимися металлическими захватами, инструментами и игольчатыми приспособлениями, которые скорее напоминали орудия пытки, чем технические манипуляторы.

Пластина опустилась на палубу, и фигура в чёрном сошла. Теперь, когда человек оказался на одном уровне с недавно прибывшими мужчинами и женщинами, Авреем увидел, что его плечи почти нелепо велики. Аугметированный механическими протезами, усилителями мышц и многочисленными боевыми имплантатами воин оказался столь же огромным, как рассказывали о космических десантниках. Он держал длинное древковое оружие, увенчанное сверху зазубренным лезвием, а снизу встроенным когтистым энергетическим блоком, цель которого ускользала от Авреема, но не вызывало сомнений, что он предназначался для нанесения повреждений.

Череп человека представлял собой лысый шар, спереди бледный и гладкий, сзади

заключённый в бронзу и серебро. Его металлические зубы блестели, а в центр лба размещался красно-золотой символ Механикус. Он не был предводителем скитариев, он был техножрецом, но таких Авреем ещё не встречал.

Воин-магос остановился прямо перед Хоуком и внимательно уставился на него, зеркальный блеск выдавал искусственное происхождение глаз. Авреем признал высокотехнологичные имплантаты, сложные механизмы прицеливания, анализаторы угрозы и боевые векторные метрики. Он только слышал о таком качестве, которое встречалось у высокопоставленных жрецов Механикуса.

Человек резко повернул голову в сторону Авреема, без сомнения считав пассивное излучение его аугметики. Обнажённая плоть лоснилась от химических мазей и горячих смазок. Частично скрытые под чёрной накидкой дополнительные конечности блестели чёрным металлом. Авреема быстро перестали рассматривать как угрозу, и воин-магос наклонился над Хоуком, легко возвышаясь над ним на метр. Губы скривились в усмешке, когда он считал биометрические данные с феодалного клейма.

— Хоук, Юлий, — произнёс он голосом, напоминавшим скрежет камней. — Смутьян.

— Я, сэр? Никак нет, сэр, — ответил Хоук.

— Это не вопрос.

Юлий не ответил и продолжил смотреть в точку над плечом воина, что было не самым лёгким делом, учитывая разницу в росте. Лицо Хоука приняло расслабленное отсутствующее выражение, присущее всем солдатам низкого ранга, которые предстали перед рассерженным старшим по званию.

— Я — Дахан, секундус гильдий скитариев на борту “Сперанцы”, — заявил жестокий гигант. — Ты знаешь, что это значит; Хоук, Юлий?

— Никак нет, сэр.

— Это значит, что я имею право распоряжаться твоей жизнью и смертью, — сказал Дахан. — Это значит, что твои биометрические данные записаны и зарегистрированы. Где бы ты ни был, чем бы ты ни занимался, я буду знать об этом. Я легко уничтожаю подобных тебе смутьянов и у меня есть тысяча человек, которые с радостью сделают это для меня. Ты понимаешь своё место на борту корабля?

— Сэр, так точно, сэр.

Дахан отвернулся, но вместо того чтобы вернуться на парящую гравитационную пластину и магосу Сайиксеку, он направился к своим воинам. Авреем выпустил сдерживаемый выдох, но

Хоук просто усмехнулся, когда громадный воин ушёл, оставив только слабый запах химических смазок.

Магос Сайиксек продолжил говорить, а Дахан присоединился к рядам скитариев.

— Каждый из вас заклеим индивидуальным идентификатором, который указывает, какую почётную задачу вы будете выполнять на “Сперанце”. Ступайте в конец зала, где вас направят к складам и проинструктируют, как выполнять ваши обязанности.

Решётки вокса рывкнули и чередовавшиеся серии бинарного языка и декламаций на высоком готике заполнили зал. Авреем сумел разобрать только несколько слов. Достаточно, чтобы догадаться, что он слышит машинные гимны, славящие Бога Машину, но недостаточно, чтобы понять смысл.

— Что ж, это было интересно, — сказал Хоук.

— Кровь Тора, я думал, что магос скитариев убьёт тебя, — произнёс Койн, его кожа блестела от пота. — Ты видел, какой он огромный?

— Я уже сто раз видел таких, как он, — ответил Хоук, достаточно громко, чтобы его услышали те, кто стоял рядом. — Хитрость в том, чтобы никогда не встречаться взглядом и отвечать только да или нет. Это далось мне за десять лет службы в Гвардии, а вы получили это за бесплатно, парни!

Остальные приветствовали его слова осторожными улыбками, но Авреем сохранил бесстрастное выражение лица, и в этот момент огромный металлический утёс перед ними разошёлся посередине с грохотом разомкнувшихся затворов. Ухмыляющийся череп скользнул в сторону на гасивших трение перекладах, одновременно ряды воинов-скитариев повернулись, гремя ботинками. Они маршировали прочь, пока громадная дверь перед новыми членами экипажа “Сперанцы” открывалась, показав ряды металлических туннелей, напоминавших трубы, по которым домашний скот вели под нож палача.

Из широких ворот сиял раскалённый красный свет и огонь прожорливых печей, вечно жаждущие плазменные двигатели и голодные орудийные батареи ждали их.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/656304>